Василий КАТАНОВ

РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

Орёл спал в гнезде.

Ветер осени раздевал дубраву, немногие из деревьев продолжали держать одежду на своих крепких плечах. Гонимые стужей неласковых зорь, потянулись в тёплые края разные птицы, а их царь, сильный и смелый властелин неба с мощными крыльями и острым клювом, оставался в родном гнезде на вершине богатырского дуба. Дуб стоял в низине, у слияния двух рек, но был так высок, что с его вершины можно было хорошо рассмотреть и гору за рекой Орлом, куда каждый вечер уходило солнце, и широкую Оку, и её пологий болотистый берег, уставленный деревьями, над которыми каждое утро занималась заря. Свежий зоревой ветер будил орла, и он, оставив гнездо, плавно парил над лесным междуречьем, высматривая добычу.

Утром 28 октября 1566 года его разбудили голоса. Орёл привстал над гнездом и увидел множество людей. Первым его желанием было броситься вниз и рвать нежданных пришельцев, рвать острым клювом и когтистыми лапами, как мелкую дичь. Но людей было так много, что орёл замер, будто прикованный к вершине невидимой цепью. У одних за поясом сверкали топоры, другие держали в руках пилы, третьи — пищали, у четвёртых, сидевших на конях, поблескивали сабли на боку.

Все поглядывали выжидательно на гору — ждали воеводу.

И вот он прибыл, развернул длинный свиток и стал читать громко:

— По повелению государя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца, великого князя Владимирского, Московского, Псковского, Новгородского, Смоленского, царя Казанского быть городу сему на реке...

Толпу охватил восторг. Вверх полетели шапки. Раздались крики во славу новой крепости русской.

Воевода перекрестился, надел шапку и показал на дуб-великан:

— Рубить!

Двое мужиков в белых, отменно новых рубахах, подпоясанные красными кушаками, подбежали к дубу и ударили с двух сторон топорами.

Дуб загудел.

Небо над ним закрыли на миг широкие крылья. Орёл медленно проплыл над головами людей, над червонно-золотым междуречьем и скрылся в той стороне, где заходит солнце.

Мужики, опустив топоры, смотрели, как заворожённые.

— А вот и хозяин полетел! — громко сказал один из них и бросил быстрый взгляд на воеводу.

— Да, хозяин... — задумчиво молвил воевода, поглаживая бороду.

Потом вскинул голову и громким словом обдал всех, будто жарким полымем:

— Быть Орлу-городу на земле русской! Быть ему отныне и во веки веков крепкой заставой государства Московского!

И стали строить.

Первым делом рубленый город ставили, а в нём — воеводский дом, склады для хлебных припасов, для ядер и пороха. Тут же и церковь возводили. Ров копали, по которому потом побежала вода, превращая застроенное междуречье в остров. За рвом среди поля поднимался острог стоячий для пушкарей, воротников, кузнецов и прочих людей служилых. За этим острогом будет посад: селитесь, люди, сейте хлеб, разводите скотину, кормите людей служилых, а у них велика забота: зорко смотреть за дорогой, не пылит ли по ней татарва, не бушуют ли пожары на русской земле.

Пилили деревья на холодном ветру, чистили брёвна и укладывали в ряд, возводя стены и башни, частокол городили при промозглом дожде, вал земляной насыпали, пока не ударили морозы. Ладили крыши, смахивая с бород хлопья первого снега.

Наверное, и весной хватало хлопот. Дело трудное и долгое — город возводить.

В 1567 году Орловской крепостью правили воеводы князь Василий Ростовский и Владимир Матвеевич Безобразов, в 1569-м — князь Андрей Иванович Татев, в 1570-м — князь Андрей Васильевич Репнин и при нём голова Семён Михайлович Хотунский, в 1571-м — воеводы князь Андрей Дмитриевич Палецкий и Михаил Назарович Глебов, в 1572-м — Василий Григорьевич Колычев и Денис Фёдорович Ивашкин...

Воеводы менялись, но неизменной оставалась тревога. Каждое лето ждали непрошеных гостей из Крыма.

Это время в песню вошло:
Не пыль пылит по дороге, —
Татаре идут, огонь кладут;
Под грушею кашу варят,
Под яблонью обедают;
Пообедавши, полон делят...

Полон — это русские люди, далёкие предки наши, попавшие в неволю, в рабство, продаваемые за Чёрное море...

Тревожил Муравский шлях, что вёл от стен Бахчисарая до берегов Сосны, до ливенско-елецких мест и дальше. Беспокоила Пахнутцева дорога, что шла через Курск, пробегала по берегам Оки, Рыбницы, Неручи, Оптухи. Бакаев шлях — память о набегах Бакая Мурзы. Про Свиную дорогу говорили, что её свинья проложила: вышла из Болхова, дошла до Карачева — свиньёй называли татарского хана...

В неспокойное время родился Орёл. Но затем и родился он, чтобы мир утвердился на родной земле.

Попробуем представить один из многих дней молодой крепости.

Ясное летнее утро. Солнце поднялось над Окой, обняло лучами крепостные башни и стены, заиграло в окнах воеводского дома. Тихо кругом. Только пушкари да стрельцы лениво переговариваются меж собой.

— Ну, что там у вас? — спрашивает казак, стоя перед башней.

— А ничего, — падает голос сверху.

— Нет ли вестей каких из наших сторож?

— Были бы вести, ты раньше узнал.

— И то верно.

Казак лениво идёт по подворью.

И вдруг всё приходит в движение. Что случилось? Почему воевода выбежал на крыльцо как ошпаренный? Какая весть подняла всех на ноги, заставила пушкарей тащить ядра к пушкам, а казаков точить сабли, пики и рогатины?

Всадник, привёз черную весть: движется войско разбойного государства.

Воевода велит немедленно скакать в посад, чтобы люди посадские брали вилы, топоры, ножи, дубины и спешили за стену крепостную, да и жён с детьми уводили: быть осаде великой.

Самые быстрые всадники должны деревни и села известить о набеге, пусть люди с жёнами и детьми спешат в крепость.

Пройдёт несколько дней, и мужики будут [illegible]

***

Я живу в Орле.
Мой май сиренев.
Мой октябрь багров
и золотист.
Входит в парк задумчивый
Тургенев —
Слышит каждый падающий
лист.
Я брожу по орлицким
откосам —
Синий Орлик сумерками
сжат,
Звёзды, словно огненные осы,
Надо мною светятся-дрожат.
Эти звёзды виделись Лескову,
Шёл под ними Бунин
молодой,
И звенело пушкинское слово
В ранний час над вешнею
водой.
Просияв задумчиво и кротко,
Входит в город полная луна.
Анны Керн летучая походка
На вечерней улице слышна.
Гляну-гляну с рыжего кургана
И увижу в сполохе костра
Гневный профиль Грозного
Ивана,
Треуголку Первого Петра.
Здесь о том, как труден путь
к победе,
Как осколки падали звеня,
Говорят и Гуртьев,
и Медведев,
И цветы у Вечного огня...
Ночь уйдёт испуганной
волчицей,
За Окою где-то пропадёт.
Утро в Дом Калитиных
стучится,
По дворцам Ботаники идёт.
Что ни дом старинный,
То преданье,
Имена, шагнувшие в века,
И большой истории дыханье,
Вечный зов душе издалека.
Там полярник будущий
Рутанов,
Там Фатьянов — песенный
поэт.
Фет и Тютчев с древнего
кургана
Смотрят вдаль,
Как ширится рассвет.

ИВАН ТУРГЕНЕВ

Каштаны. Сплетаются тени.
Скамейки, как будто в строю.
Сидит над Окою Тургенев
И думает думу свою.
Глядит знаменитый писатель
На парк у слияния рек,
России великий спасатель,
Усталый седой человек.
Таким он гулял по Парижу
И славу с улыбкою нёс.
Но я его более вижу
В краю, где родился и рос...
Над Орликом крылья тумана,
За Орликом — гомон и шум.
Так вот она, завязь романа,
Раздолье тургеневских дум.
Мелькают стрижи у карниза,
Черёмуха снежно цветёт.
И девушка, кажется, Лиза
Стоит у тесовых ворот...

***

Сторона Тургенева и Фета
На просторы летние манит.
Льётся ливнем утреннего
света,
Голубыми реками шумит.
Бунина, Андреева, Лескова
Отчий край...
Тут чище серебра
Закипает песенное слово
И любви, и веры, и добра.